ЗОРЯ ГАЛИЦКА.

ЛЬВОВЪ. СЕРЕДА. **Ч. 43.** дня 23 мая. (4 червня.) 1851.

Выходитъ що середы и суботы. Цѣна на текущее чвертьроче для отбирающихъ въ Редакціи: 1 рен. 10 кр. — черезъ почты: 1 рен, 30 кр. ср.

Первого липцѧ по латиньскомȣ а 19 червнѧ" по нашемȣ календари начинаетсѧ 3ое чвертьроче предплаты на „Зорю Галицкȣю. Цѣна предплаты чвертьрочна длѧ отберающихъ въ Львовѣ 1 рс. 10 кр. ср. а длѧ отберающихъ черезъ оуряды почтовыи 1 рс. 30 кр. ср. По той цѣнѣ можна на полъ и цѣлый годъ предплачовати. Просимо Всепоч. предплатителей о скорое надосланїе предплаты, дабы намъ возможно было накладъ вымѣрити отповѣдный. —

Львовъ 26. мая. Его Высокоблагородїе Краковскїй „Часъ" знаный намъ довольно зъ своей приклонности и братной любви ко намъ. Оуже неразъ имѣлисьмо способность чȣвства Его Высокоблагородїѧ ко намъ изъѧвленныи читати, а теперь знова читаемъ въ Его колюмнахъ слѣдȣющȣю еремїѧдȣ, которȣю дословно оумѣщаемъ „Пишȣтъ намъ зо Львова: Сегорочный передновинокъ въ здѣшной окрестности не прикȣзалъ длѧ селѧнъ нїѧкихъ спасительныхъ слѣдствїй изъ одаренїѧ ихъ землею и поданїѧ имъ способности заробкȣ, которȣю надаетъ имъ нȣжность рȣкъ къ оуправѣ грȣнтовъ доминикальныхъ. Нȣжда пригонѧетъ ихъ толпами въ столицю, цѣлыи родины скитаютсѧ по жебрахъ, пригадаючи изсохлыми лицами памѧтныи лѣта голода и неȣрожаѧ. Но однакожъ минȣвшїй рокъ отповѣдалъ желанїѧмъ земледѣльца. — Кромѣ сего оудивительнымъ есть тое, що обыкновенно большаѧ нȣжда давитъ народъ греческого, нижъ кадолического исповѣданїѧ; видитсѧ, що сїе основȣетсѧ въ розличїю характеровъ тыхъ двȣхъ племенъ; въ большомъ трȣдолюбїю Мазȣровъ, которїи исключительно вынаймаютсѧ въ теченїи лѣта до працѣ, коли насупротивъ Рȣсини не двигнȣтсѧ до живъ, хотѧйбы и за найбольшȣю заплатȣ, и ожидаютъ, доки послѣдной бȣльбы, послѣдной половы на веснȣ стане. Если сколька лѣтъ таковое состоѧнїе продолжатисѧ бȣдетъ, мазȣрскїи села со всемъ розличатсѧ отъ рȣскихъ, зацвите въ нихъ добрый бытъ, а съ нимъ и нравственность и просвѣщенїе, всегда приступнѣйшее мазȣрскомȣ хлопȣ ѧкъ рȣскомȣ (?!); про тое и цѣлый заробокъ за лѣтныи роботы въ поли въ его рȣки достаетсѧ."

На тȣю допись не примѣтилъ Его Благородїе „Часъ" ни слова. По мнѣнїю нашомъ выпадало Мȣ по крайней мѣрѣ слова: „Рȣ-

сины, рꙋскій“ въ „Рꙋтенѣ, рꙋтенькій“ перемѣнити, та не противорѣчити самомꙋ себѣ, оудаючи разъ, же имѧ „Рꙋсинъ“ Полѧкамъ (!!!) со всѣмъ не знаеме, дрꙋгій разъ пригадовати свомꙋ свѣтꙋ, которій въ несꙋществованіе Рꙋсинôвъ вже былбы тꙋй тꙋй оувѣрилъ, же ꙗкіи они вже теперъ сꙋть, (та хоть не такіи, ꙗкими Полѧкъ обыватель переселившій сѧ въ святꙋ землицю мазꙋрскꙋ передъ колькома мѣсяцами въ тыхже колюмнахъ „Часа“ ихъ величалъ, и съ Мазꙋрами сравнивалъ), предцѣ що вже истинно сꙋть, сꙋществꙋютъ. Щоже касаетсѧ благородного господина дописователѧ, здаетсѧ намъ, що не много ошибнемсѧ, если впростъ схочемо въ нимъ повитати богатыра Єнего „Жида скитающогосѧ“ или по крайней мѣрѣ ꙗкого Высокꙋченного, може Преподобного, которій насъ Рꙋсинôвъ за кадоликôвъ, ани дай Боже почитати не хочетъ. Статіѧ таѧ цѣла неимѣла намѣреніѧ приꙋказати великꙋю нꙋждꙋ, котораѧ нашꙋ Рꙋсь такъ давитъ; тôлько намѣреніемъ было приꙋказати высшôсть характера мазꙋрского надъ рꙋскій, чего причиною есть запевне кадоличество, за исповѣдниковъ которого насъ даже почитати Г. дописователь не благоволили. Милосерднаѧ то ꙗкась дꙋшочка! Такъ жалко мꙋ за насъ Рꙋсинôвъ, що толпами тиснемосѧ до столицѣ за жебрами, но мы жалѣемъ, що сей чꙋвствительности христіѧньской въ Г. дописователю величати не можемо, бо жіючи зъ Львовѣ, и ходѧчи щоденне по оулицѧхъ николи и нигде не бачилисьмо тыхъ бꙋрлачихъ толпъ; даже смѣло, называючи донесеніе тое злобною ложею, пригадꙋемъ, що оу насъ жебрати не вôльно, тожъ и певно Г. дописователь жебраючихъ не видѣлъ. Но положѣмъ, що таѧ ложъ есть истинною, дивна рѣчь, що меже тыми бꙋрлаками не достерѣгъ господинъ ревнитель кадоличества (?!) ани одного кадолика, та самыхъ Рꙋсинôвъ. Не менше и тое оудивительно, що изключительно тôлько Мазꙋры вынаимаютсѧ до працѣ а Рꙋсини нѣтъ. Бѣднаѧ Галицкаѧ Рꙋсе! тожъ кромѣ тыхъ колькохъ селъ, въ которыхъ по колькохъ Мазꙋрôвъ, (или лꙋчше, най намъ вôльно бꙋдетъ сказати, Рꙋсинôвъ лат. обрѧда) обитаютъ, ты цѣла не объорана, не засѣѧна, тай не зжата! И про тое то господинъ дописователь еремиетъ надъ твоемъ горенькомъ, та жалѣетъ, що сыны твои не оумѣютъ пользоватисѧ свободою, дꙋмаетъ слѣдовательно, що свобода имъ непотребна, що до ихъ щастьѧ конечно паньщиноньки треба! Горе тобѣ горе! а тѣмъ болѣе, що ты не кадолическаѧ, тôлько — греческаѧ! Ꙗ тое некадоличество (нелатиничество и неполѧчество) твое есть великимъ препѧтствіемъ просвѣщеніѧ, которое пристꙋпнѣйшее мазꙋрскомꙋ хлопꙋ. Горе Тобѣ! Тобѣ далеко еще, закимъ ты, некадолическаѧ, достигнешь того просвѣщеніѧ мазꙋрского, ꙗкое, не идѣмъ далеко назадъ, въ 46. роцѣ. 19. вѣка всемꙋ свѣтꙋ объѧвилосѧ. Тобѣ далеко, некадолическаѧ Рꙋсе! до того просвѣщеніѧ мазꙋрского еще зъ тогоже года, дабысь и св. евхаристію пôдковками доптала и мовила съ просвѣщенными Мазꙋрами: „Кьедысь Бꙋгъ, цинь цꙋда!“ — Тобѣ не борзо и въ нравственности зрôвнатисѧ Мазꙋрамъ — кровью обагритисѧ братною! Тобѣ и въ земледѣльствѣ не осѧгнꙋти Мазꙋрôвъ, бо ѣдꙋчи черезъ твои села, а черезъ мазꙋрскіи, въ послѣдныхъ тамъ то ладъ, тамто красота! Тамъ корова, ôвцѧ и безрога въ комнатѣ одной и въ одномъ берлозѣ съ честнымъ газдовствомъ обитаютъ, а недостаткꙋ тамъ никогда нема, бо тамъ ꙗкъ нема хлѣба, насытитисѧ, Мазꙋръ одинъ дрꙋгого ѣсть (смот. Зорю 1849). Тобѣ далеко до такого просвѣщеніѧ — ты звычайно рꙋскаѧ, тобѣ такъ великое свѣт-

ло Мазуровъ неприступное! Тое множество школъ, що тепер заводишь — то зле робишь, задивися на Мазуровъ, прочитай цѣлу „Львовску Газету" вздолжь и въ поперекъ, нигде не найдешь на Мазурахъ школы новоучрежденной за временъ свободы, бо Мазуры лучше свободою пользоватися оумѣютъ; имъ и безъ школъ просвѣщеніе приступнѣйшое! А за тое погляньте тамъ въ товарищеское житіе; пьютъ оу насъ, правда, горѣлку; но досвѣдченіе приуказуетъ, що Мазуры лучше хоснуютъ зъ свободы, лучше пьютъ, когда ажь зъ помежду нихъ якійсь родолюбный человѣкъ, именемъ Пьецухъ въ нашихъ днахъ назвался пророкомъ и гибель проповѣдаетъ своимъ родимцамъ, если такъ далѣй пити будутъ. Господине дописователю! Не вамъ Русью печалѣтися! Она въ рукахъ добрыхъ. Она подъ покровомъ правительства не польского, при старанности своихъ честныхъ родолюбивыхъ священниковъ, оуправителей ей церкви, мимо клинокъ Вашихъ кадолическо-греческой не только словомъ и видомъ внѣшнымъ, но и дѣломъ истинно религійна и нравственна, Мазурамъ, а не на отворотъ за примѣръ послужити можетъ. Були и мы въ селахъ, такъ званыхъ Мазурскихъ на Руси, булисьмо и на самыхъ Мазурахъ; но бажалисьмо якъ найборше рускимъ воздухомъ отдохнути, бо мазурщина (не нарушаючи славу народа) по найбольшой части дичина—негостинность —сваречливость— злость и завзятость; на Руси любовь и гостинность и человѣколюбіе — слово тое послѣдное, нимже, прійдетъ до церкви нашой, кончится всяка языкомъ зрозумѣлымъ произнесенна молитва, ровно якъ Славою зачинается.

Если въ будуще схочете хвалити Русиновъ за ихъ обрядъ и народность, не начинайте жебрами; бо еще никогда Русинъ оу Мазура не жебралъ, но на отворотъ бурлакуютъ и бурлаковали цѣлыми фѣрами и сотками родинъ Мазуры въ святой нашой греческо-кадолической Руси!

ЗАГРАНИЧНЫИ ИЗВѢСТІЯ.

Голомуцъ, 30. мая. Нашъ городъ переполненъ есть людностею. Безпрерывный гаморъ прохожающихся, и гуркотъ повозовъ по оулицахъ, неутихае ажь до позднои ночи. Гостинници и каварни заледви могутъ помѣстити пхаючихся гостей. — Такожде и цѣсарскій дворъ розвинулъ ся можь сказати, въ цѣломъ своемъ великолѣпію, и оудивляе неутомимыхъ зрѣтелей; можна бо оувидѣти не только блестающіи и богатіи оубранія министровъ и маршалковъ, якожь и дорого золотомъ и сребромъ оуґалонованыхъ ливерій оуслужниковъ цѣсарскихъ, але и разноцвѣтныи оуниформы иностранныхъ войсковыхъ, почавши отъ серебромъ обитыхъ шеломовъ, ажь до шапокъ Черкескихъ. — Є. В. Царь Россіи посѣтилъ вчера предъ полуднемъ сѣдого маршалка Радецкого и граф. Нижанъ. — О 11 часѣ была отправа где И. В. Цѣсарь Австрійскій и Царь Россіи со всѣми енералами литургіи присутьствовали. По литургіи былъ пересмотръ войска. Трогательное впечатлѣніе задѣлалъ на публичность одинъ поступокъ Царя Николая, который при случаи пересмотру войскового, П. М. Радецкого, сего отъ всѣхъ любимого и почитаемого старика, на откритой оулици поцѣловалъ. —

Берлинъ, 28. мая. Розходятъ ся поголоски о взновленомъ движенію. Денекуда розговорують, що мае быти оучреждена армія нѣмецка зъ 120.000 мужей, и розставлена границеву зачавши отъ Генце въ Швайцаріи ажь до рѣки Везель. — Прусы мають дати до той арміи 36000 мужей.

*

Парижъ, 23. мая. Пирамидское соедкненіе имѣло вчера свое засѣданіе, гдѣ розбирано вопросъ касающійся пересмотру и рѣшено на предложеніе д' Мортемартье частный пересмотръ законовъ, но съ тымъ только оусловіемъ согласились на тое, дабы република сохраняема была, и дабы народъ неограниченную свободу при выборѣ главноначальника выконательной власти имѣлъ.

Лисабона. Салданга прибылъ здѣсь, а жительство городское витало го съ возторгомъ.

Лондонъ. Въ Новомъ Іорку зволновало ся войско; причина и цѣль того возмущенія еще невѣдома. —

Мадритъ, 20 мая. Послѣ листовъ полученыхъ зъ Португаліи, оудалился Салданга на дни 12 т. м. зъ Опорто, на челѣ 6 полковъ. Въ Опорто оставилъ сильную залогу подъ предводительствомъ енерала Феррейра. —

КРАЙ РОДИМЫЙ.

Львôвъ. Дня 15/27 мая имѣла Рада Головна руска свое засѣданіе. Комиссія строительная и собирательная розвинула чрезвычайную дѣлательность, о нейже Рада Головная извѣстіе весьма потѣшительное пріяла. Найважнѣйшимъ вопросомъ было строеніе дома народного, которое оуже розпочалося. — Въ слѣдующихъ числахъ, подаючи протокулъ засѣданія Головнои Рады и справозданія реченои комиссіи, изъяснимо со всемъ тотъ для насъ весьма важный вопросъ. —

Львôвъ. Въ одномъ числѣ Вѣстника зъ минувшого года было, о сколько себѣ припôмнути можемъ, извѣстіе, що яковаясь ч. громада довѣдавшися, яко бывшій дѣдичъ сіе село, или лучше сказавше, имѣнія свои, тамъ лежачіи спродати хотѣлъ Израилтянови, хотячи запобѣчи тому, дабы непопалась подъ вліяніе рукъ нехристіяньскихъ, вознамѣрила силы свои совокупити и себе сдѣлати дѣдичемъ реченныхъ имѣній. Но що ся дальше стало съ симъ дѣломъ, не знаемъ; чи повелося ей по желанію, и якимъ способомъ? любопытни весьмо довѣдатися. Село сіе маетъ ся звати Чеховъ или Чехи. Есть то вещь дуже важна, о которой добре былобы, дабы народъ оувѣдался. За ей бо примѣромъ моглабъ и не одна иная громада пôйти, знаходащаяся въ подобномъ случаи.

Желаемымъ былобы прото, дабы ч. громада реченная публично извѣстила, що въ семъ предметѣ сдѣлала.

Изъ Жолкôвского. По всѣхъ сторонахъ округа нашого возносятъ великолѣпныи памятники наданой свободы, на всѣхъ роздорогахъ стоятъ кресты помалеваныи народными цвѣтами, а обсажени, о сколько возможно было, вѣчными липами. — Мужи, — возлюбившіи отечество и все, что есть свое, посвящающіи даже свое личное благо, общему благу рода своего, — вліяютъ примѣромъ и жизнею своею сильно на простолюдиновъ, возбуждаютъ въ нихъ чувства благородныи, оукрашающіи нашое человѣчество, стремящее къ чему болѣе, нежели къ тѣсно опредѣленному АЗЪ. — И труды сихъ народолюбцевъ не со всемъ лишились плодовъ; и оу простолюдиновъ найшлись понявшіи ихъ гадки, пренявшіися также любовію къ общему. Лучшимъ того доказомъ есть оучастіе нашихъ людей въ справѣ народной. И памятники возсіявшой свободы вознесли ся только стараніемъ сихъ народолюбцевъ; а памятники кажутъ народъ въ одно, даютъ ему чувствовати его цѣлость, припоминая дни великого и славного воскресенія его, когда онъ царскіи и свои

права выстѹпилъ боронити; — вѣрное сїе время оудержитъ емѹ въ памяти памятники, оувѣчнятъ вѣчныи липы. Стараюся про тое на вознесеныхъ и многоѹчащаныхъ мѣстахъ ставити памятники, а теперь оувѣдалися мы, что стараніемъ Всеч. отца настоятеля Креховского Монастыря, и бывшого провинціяла чина св. Василія, преподобнѣйшого Г. Коссака построится церковця на виршинѣ горы, оу подошвы которой бѣлѣется нынѣ въ далекіи стороны великій храмъ Монастыря. Изъ дрѹгой стороны горы разпространяется долина, долгая и великая а опредѣленна горами возносящимися за границею, на которыхъ почиваетъ Монастырь Почаевскій, который въ ясныи дни видно изъ сей горы. Церковця бѹдѹщая бѹдетъ имѣти величественнѣйшій видъ сіяющи великолѣпно въ далечайшіи стороны.

Зачѹваемъ, що на представленїе Всеч. Отца люде тамошныи охочо берѹтся до дѣла; но завсегда былобы желаемо, щобы народолюбцы изъ окрестностей звернѹли такожде оуваг̃ѹ свою на предпринимаемое, имѣющое совершити ся въ тишинѣ дѣло, обмыслили средства (можетъ быти на радѣ Жолковской), дабы болѣе людей могли ся оувѣдати о семъ дѣлѣ и брати оудѣлъ въ немъ, вспирали малїи силы нѣсколько господарей и соѹчащали въ дѣлѣ слѹжащимъ къ прославленію Всевышнаго.

Львовъ. Дня 18/30 мая отправилося въ здѣшной Семинаріи рѹской жалобное Богослѹженїе Всч: Настоятелями сего заведенія за дѹшѹ оусопшого Венедикта Левицкого, бывшого профессора богословского нравоѹченія на всеѹчилищи Львовскомъ. Еще по оупокоенію сего многозаслѹженного мѹжа, о житію мы обѣтовали короткое извѣстїе сего достойника подати, но понеже мы нимѣли всѣхъ докѹментовъ подъ рѹками, сего ради даже до нынѣшного времени, зосталисьмо должниками нашого обѣтованія. — Сей, премногими заслѹгами оувѣнчаный мѹжъ, оуродилъ ся 1783 года въ Иванѡвцѣ, окрѹга Стрыйского, намѣстничества Жидачевского. Полѹчивши первыи начала наѹкъ въ родимомъ мѣстци, отданъ былъ до Стрыя, откѹда по оуконченію третои нормальной класы 1797 года съ пожелательнымъ оуспѣхомъ посланъ былъ въ Львѣградъ до латинскихъ оучилищъ. Тѹтъ отличился меже своими содрѹгами не тѡлько превосходнымъ оуспѣхомъ но и нравомъ чистымъ и неповрежденнымъ вже въ своихъ молодыхъ лѣтахъ такъ, що приобрѣлъ собѣ любовь и почитанїе соѹченниковъ и оучителей, которыи его за примѣръ дрѹгимъ оученникамъ припорѹчали. Тая строгая и чистая нравственность, которѹю онъ еще изъ своего родительского дома полѹчилъ, въ теченію его наѹкъ тымъ больше оукрѣпилася и сталася его собственностію даже до остатной годины житія. Совершивши Гимназіальныи класы, вступилъ въ всеѹчилище Львовское и прикладался со всею прилѣжностію наѹкамъ любомѹдрія; по оуконченію тогоже, якъ кажется, не былъ рѣшился еще якій санъ и становище имѣлъ собѣ избрати на бѹдѹще. Вписался наиперве въ отдѣлъ правническій и робилъ испытъ зъ первого года права. Но чѹвствѹючи въ собѣ званїе до священнического сана, покинѹлъ права и началъ наѹки св. Богословія. Года 1805 былъ тогдашнымъ Митроп: Ангелловичемъ въ конвиктъ Вѣденскій посланъ для лѹчшого оуправжненія ся въ богословскихъ наѹкахъ. Повернѹвши оттѹда по оукѡнченыхъ наѹкахъ богословскихъ, положенъ тымъ Святителемъ въ санъ священническій, зосталъ сотрѹдникомъ при архікатедральномъ Львовскомъ храмѣ и тайникомъ метрополитальнымъ. Года 1814

зважаючи на его науки, Преосвященнѣйшій Митрополитъ отдалъ Венедиктови Левицкому урядъ вицеректора въ Семинаріи, который до 1819 исполнялъ похвально и ревно. Непрестанно отдавался мимо многихъ трудовъ полученыхъ съ своимъ урядомъ наукамъ богословскимъ. Поддавшися строгому испыту и одержавши вѣнецъ доктора св. Богословія, обойнялъ опорожнену каѳедру на Львовскомъ всеучилищи богословского нравоученія. Мнѣнія практическіи и взятыи зъ житія указывали ученникамъ нравственное заданіе житія христіанского. Года 1820 прійнялъ урядъ тымчасового ректора семинаріи Львовской, который держалъ до 1824 Года. 1825 Его Превосходительство Преосвященнѣйшій Митрополитъ, зважаючи на покойного заслуги, препоручили ему урядъ и достоиньство совѣтника конситорского, а года 1826 одержалъ крестъ крылошанина почетного. Кромѣ превеликихъ заслугъ, которыи покойный положилъ для отечества въ санѣ учительскомъ и священническомъ, неможемо минути и тыи, котори онъ для умственности и всеучилища Львовского положилъ. Біблія обоего завѣта нимъ изданая, и близько въ тысячь експемплярехъ Матици Галицкоруской съ тымъ застереженіемъ за власность дарована, дабы изъ нея фондъ утворился на печатаніе богословскихъ сочиненій, свидѣтельствуетъ о его старанности безкористной и всеполезной. Высокое правительство узнаючи его неутомимую ревность, трудолюбіе и заслуги въ ученомъ мірѣ, потвердило его избраніе черезъ здѣшное всеучилище въ Ректора Магнифика.

Еще вспомнути належитъ, що 1829 года былъ тогдашнымъ Губернаторомъ королествъ Галиціи и Володимиріи Августомъ Л. Лобковичемъ яко депутованый на соймъ краевый Львовскій завозванъ, и того самого года также мѣстце директора св. Богословія заступалъ. Года 1836 прійнялъ знова урядъ тымчасового ректора Семинаріи Львовской и при своихъ обязанностехъ учительскихъ исполнялъ черезъ два года. Въ 1847 годѣ в. правительство зважаючи на его заслуги надало му достоинство ц. к. совѣтника; слѣдующого года избранъ былъ выдѣломъ богословскимъ за высланника на соймъ краевый. Преосвященнѣйшій Митрополитъ нашъ бувши увѣренными въ покойного ревность и имѣючи его многолѣтными трудами собраныи заслуги, выслали его съ своимъ полномочіемъ на соборъ епископскій въ Вѣдни. Неможемо и тое замолчати, яко онъ 1846 одвозячи ученниковъ изъ обохъ епархій до Вѣдня, дабы ихъ отъ туда въ Римъ въ заведеніе миссіонарское выслати, ревно старалъ ся о воскресеніе Варвареумъ или заведенія семинаріи при святой Варварѣ въ Вѣдни. Съ восхищеніемъ беседовалъ о реченомъ заведенію и благословилъ всегда Всеч. крылошанина Др. Литвиновича, который такъ искренно симъ дѣломъ занялся. Всегда имѣемо еще и днесь предъ очима якъ радостныи слезы умывали его поважное лице, когда видѣлъ успѣхъ въ народной словесности и стремленію, а хотя подъ тягаромъ своихъ трудовъ и старости часто болѣлъ, однако хотѣвши для св. Богословія въ народной мовѣ прислужити ся, працювалъ надъ богословскимъ нравоученіемъ въ рускомъ языцѣ; но смерть перетяла его найкраснѣйшіи труды а родимци заплакали болезнымы слезами по такъ неоцѣненномъ мужу.

Благодарныи родственники покойного въ глубокой своей печали, созидали на его гробѣ прекрасный памятникъ отвѣтный его заслугамъ — истинно тотъ, который умераючи уже жалился, яко на гробѣ покойного и много заслуженного Митрополита Ангелловича нѣсть

памѧтника, и который своимъ завѣщанїемъ 40 р. с. оставилъ съ тымъ оусловїемъ, аще знайдȣтсѧ ревныи Рȣсини, которыи бы покойномȣ Митр. Ꙗнгелловичȣ памѧтникъ созидати желали, также реченȣю квотȣ на тȣю цѣль опредѣлити, истинно тотъ мȣжь кажемо достоинъ есть памѧтника!

Гетъ! гетъ! гетъ! гетъ!!!

(Продолженіе.)

Але поганый паницѧ, собаки горшїй, неȣставалъ верещати: злодѣй люде! злодѣй! ловѣтъ! отъ середъ днѧ прїйшолъ мѧ обкрасти! Милый Боже! за щожъ покаралъ есь того нȣжденца такъ тѧженько? онъ немае и незнае где подѣтисѧ онъ кромѣ Тебе одного на небѣ, а гроба Отца своего на земли немае иншого прибѣжища! о! онъ поспѣшалъ къ гробȣ томȣ! оупалъ на немъ ꙗкъ бы бездȣшный... Запитый той то безбожникъ, оузброенный похваченнымъ въ сѣнехъ коромесломъ, летѣлъ за нещасными ажъ тамъ, на тое свѧтое мѣсто, и оуже поднесъ въ горȣ, ꙗкъ той Каинъ, братоȣбїйное дерево, но бачите, собака, не человѣкъ, застȣпила давного пана своего одъ такъ смертоноснаго оударȣ, въ оборонѣ когдайшаго благодѣтелѧ кинȣлсѧ своею цѣлою силою на запамѧталого паницю и щасливо оувалилъ го на землю. Сбѣгли сѧ тамъ и люди, а по недолгой хвили, сирою, стȣденою, тѣла померших привалѧющою перстею, охолодженный, оучȣтилсѧ и той бѣднѧка, Романъ, таѧ то нещаслившаѧ нерозȣмȣ материньского жертва! О! таѧ то проклѧтаѧ мати! стала мȣ теперь въ очахъ, оуже Божаго невидѧщихъ свѣта, ꙗснѣйше ꙗкъ бы когда кольвекъ за житїѧ бȣла — стала, ахъ! жива цѣлаѧ! стала съ поганою порцїею наполненною тою страшенною стравою лютѣйшого пекла, горѧкомъ, та горѣлкою, стала обокъ положничного ложа сȣпрȣги его молоденькой! любезной! дражайшой! ꙗкъ ангелокъ невинной! и поганою своею рȣкою отворѧе ей оуста невинныи—не чимъ зломъ неповаланы! а дрȣгою, тримаючи за денце тȣю то шатанькȣ чаркȣ желчи страшенной, смертоносной! выхилѧе насилїемъ ей въ гȣбȣ къ оборонѣ своей оуже и словца проречи немогȣщой! а голосомъ отъ всѣхъ перȣновъ и водъ лоскотȣ громкїйшимъ: гетъ! гетъ! гетъ! гетъ! неȣстанно воскликае! о голосъ той страшенный проклѧтый! неоустанно гримѣлъ въ оушесахъ найнещасливишого! онъ не понималъ оуже голосȣ иншаго, онъ и самъ иншимъ непромовилъ словомъ, онъ оуже не оумѣлъ иншои бесѣды ажъ допоки не отдалъ, на рȣкахъ вашихъ любезный мой батенькȣ! остатного дȣха въ рȣки Отца своего небесного и не сталъ до тѧженькой справы, предъ престоломъ Его свѧтымъ съ нещасною своею матерею, а всѣмъ подобнымъ живȣщимъ дай опамѧтанье та покаѧнїе!

Ꙗкось въ колька дней, по оувѧзненїю, поманȣтого добродѣтельного того, а невиннаго ꙗкъ сѧ показало, человѣка, помѣшалъ Господь всѣ безбожныхъ шики. Несподѣванно зъѣхалъ тȣ по оуконченыхъ наȣкахъ и молодый тогда ще панъ дѣдичъ, но теперь дѧковати Богȣ! оуже отецъ та рôднѣсенькїй братъ та дрȣгъ нашъ; о! що то за прекрасна? що то за розȣмнаѧ особа? а ꙗкъ вамъ забесѣдȣе? то такой человѣкъ — а человѣкъ, ани подобнѣсенькїй на пана. Приѣхалъ съ дрȣгимъ ꙗкимось старшимъ зъ Сȣдȣ, дȣже статочнымъ панкомъ, дабы въ тойчасъ отдалъ мȣ подъ зарѧдъ всѣ его маетности. Ой! ой! що то тогда недѣѧлосѧ въ цѣломъ дворѣ нашомъ?

одни поблѣдли, дрȣги носы, пробачте, поспȣскали, трети оуже забчасȣ манатки си збирали. Но и тамъ не всѣ бȣли безъ христїаньской совѣсти, але такїи звыкло на горȣ недрȣтсѧ а междȣ онакшими тажко имъ доити до слова. Ой! бȣло и тȣтъ съ ко̂лькохъ богобойныхъ людей, що то ще оу небощика старого слȣжили пана, а сей молодый при нихъ оуже на свѣтъ прїйшолъ, що то го на своихъ рȣкахъ неразъ бавили; такой видѧчи не однȣ кривдȣ онаго, оуже до лѣтъ и розȣмȣ прїйшовшого, що сѧ? и ꙗкъ где дѣѧло? добре писали та доносили, бо ихъ болѣло серденько. О! невредили, они ни Панотцеви ни комȣ честномȣ та богобойномȣ, тай о пана своего праценькȣ вѣрно дбали, а тимъ приѣздъ ихъ хлѣбодавцѧ не былъ страшный — бȣлъ милый, ожиданный; тыи оутѣшили сѧ и оувеселили. Скликано и всѣ громады на челѣ которыхъ и во̂йты стали; прибȣли и свѧщенники, а нашъ Панотецъ ꙗко мѣстцевый и вѣкомъ старшїй, передъ имъ вели. Сȣпротивники Панотца, а ще больше неохибно самого своего пана сȣпротивники, наплели — наплели не сотворенныи рѣчи на того богобойного отца дȣховнаго, рѣчи, ꙗковыи и найбезбожнѣйшомȣ, тажко моглибы сѧ головы чепити, но зобачивши ихъ самъ молодецъ той а оучȣвши ще сколька словъ ними промовленныхъ, оуже самъ погадалъ си, що то не до такихъ дѣлъ особа. Ꙗле въ томъ приѣхавшїй зъ сȣдȣ сановникъ, не влѣпилъ въ нихъ очи свои ни, но ажъ ихъ ними пронимае! а по томȣ радостно воскликне: о! то мой всечестнѣйшїй благодѣѧтель! Всѣ притомныи задивовались, а ономȣ радостныи (по розчȣвственной твари покотѧтъ сѧ слезы) и оухопитъ Панотца за шїю и тиснетъ оуста ихъ до оустъ своихъ и до горѧчого тȣлитъ ихъ сердцѧ, и промовитъ снова: ахъ! господине мой солодкїй! любезный! Вашой то Честности, вашимъ то добродѣтелѧмъ виненъ есмь и санъ мой и цѣлое состоѧнїе мое — цѣлое житїе моего оущасливленїѧ! а звертаючи сѧ до молодого дѣдича и до всѣхъ обокъ стоѧщихъ, повѣдае: то когдашный оучитель, ко всѧкомȣ благȣ искренный проводитель мой! о! Богъ вѣсть! щобыто до теперь съ мною было? Отецъ мой власный о бȣдȣщности моей оусȣмнѣлъ сѧ былъ, но мой честнѣйшїй оучитель, тысѧчи одъ пȣстой молодости моей дознавши вопрековъ, не оусȣмнѣвалъ сѧ а не оутомимо на дорогȣ наводилъ правȣ! Отче! нѣсть ми словъ въ достойное Вамъ благодаренїе! На тое и Панотцȣ ꙗсно заблисла слезонька въ окȣ, а онъ до молодого промовилъ ще дѣдича: Молоденькїй мой Господине! радостно ми отдавати подъ Вашȣ власть отецъ вашихъ добра, ибо позналъ емъ въ васъ честнаго и оумнаго человѣка; но о много ми радостнѣйше, що обокъ своего дома только добродѣтель полнаго знаходите мȣжа! о! вы взаимно оукрашати си бȣдете дни бȣдȣщаго житьѧ вашего! Прискочилъ къ Панотцȣ и самъ панъ молоденькїй, оухопилъ ихъ за рȣкȣ и поцѣловалъ ихъ въ честное личенько, а тыи, що переводили ними съ страхомъ погадали: отожъ намъ бȣде? но они незнали, що Панотецъ никомȣ кривдъ непамѧтали, а всѧкїи долги, ꙗкъ Богъ приказалъ, о̂тпȣскали зъ цѣлого сердцѧ должникамъ своимъ.

(Заключенїе слѣдуе.)

Редакторъ ІОАННЪ ГУШАЛЕВИЧЪ. — Типомъ и накладомъ Института Ставропигїянского.